

Маливанова Е. И.

П. В. Хавский –
современник
и московский сосед
Н. В. Гоголя

Деятельность выдающегося юриста и правоведа XIX столетия Петра Васильевича Хавского (1783¹–1876) проходила в широком диапазоне: в свободное от служебных дел время чиновник занимался историческими, генеалогическими и хронологическими исследованиями. Помимо законовения он изучал историю Древней Москвы и московских храмов, генеалогию русских князей, а также систему древнерусского времяисчисления. Одним из его важнейших достижений признано участие в составлении «Полного Собрания Законов Российской Империи»² в комиссии, возглавляемой Михаилом Михайловичем Сперанским (1772–1839). По воспоминаниям современников, Хавский отличался колоссальным упорством и трудолюбием. Будучи рождённым в простой семье и не имея образования, он начал служебную карьеру в младшем чине подкopiиста Егорьевского земского суда, где служил и его отец; в 1819 году чиновник получил по личному пожалованию императора дворянский титул и к своему девяностолетию (в 1873 году) дослужился до чина тайного советника.

К моменту знакомства с Н. В. Гоголем Пётр Васильевич успел зарекомендовать себя в различных законоведческих комиссиях [Историки и краеведы Москвы... 1996: 170] и на службе в Правительствующем сенате, а также, по ре-

¹ Вопрос о годе рождения Хавского вызвал множество разногласий. В Русском биографическом словаре (1896–1918) и в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890–1907) приводится 1771 год, в Академическом справочнике «Декабристы» (1988) – 1774 год, однако в сохранившейся выписке из метрической книги с информацией о рождении Петра Васильевича указан 1783 год, – этот год указывает и сам Хавский в книге «На память друзьям моим» (1874).

² Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. (в 45 томах). СПб, 1830.

комендации своего бывшего университетского наставника профессора Ивана Ивановича Давыдова (1794–1863), стал действительным членом Общества истории и древностей российских, которое считалось «одним из авторитетнейших центров исторической и филологической наук» [Цит. по: Курсакова, Цыб, 2014: 143] и объединяло в своих рядах крупных исследователей, в том числе Михаила Петровича Погодина (1800–1875) и Осипа Максимовича Бодянского (1808–1877), стоявших в близких отношениях к Гоголю.

Пётр Васильевич являлся старостой храма Святителей Афанасия и Кирилла на Сивцевом вражке, и его дом располагался недалеко от Арбата. Историк занимал правую часть территории бывшей усадьбы графа Алексея Петровича Головина; ему принадлежал дом № 35 в Большом Афанасьевском переулке. К сожалению, дом до наших дней не сохранился (был снесён в 1993 году).

По воспоминаниям одного из московских жителей, Гоголь и Хавский часто встречались во время прогулок на Пречистенском бульваре и проводили время в нескончаемых беседах. Так, однажды, увлечённые разговором, приятели забыли о том, что уже давно должны были присутствовать на обеде у Михаила Ивановича Губкина – фабриканта серебряных изделий в Москве. Губкин, не дождавшись приглашённых, отправил на их поиски своего ученика, который и застал опаздывающих гостей поглощёнными беседой на одной из скамеек бульвара [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 577]. Писателя и чиновника, безусловно, могла сблизать тема москвоведения. Гоголь, будучи почитателем москвоведческих трудов профессора Московского университета и собирателя памятников русской старины Ивана Михайловича Снегирёва (1793–1868), вполне мог быть знаком с одним из наиболее известных трудов Хавского – книгой «Семисотлетие Москвы, или Источники к её топографии и истории за семь веков», вышедшей в 1847 году и являющейся первым полным библиографическим указателем трудов по истории Москвы. Занимаясь некогда составлением синхронистических таблиц в рамках своей преподавательской деятельности [Гоголь в воспоминаниях... 2011, I: 646], Гоголь мог быть знаком также с хронологическими таблицами Хавского: опубликованные в 1848 году в трёх книгах и вызвавшие жаркие научные споры, эти таблицы представляли своего рода первую попытку создания матрицы, позволяющей переводить древнерусские даты на современное времяисчисление без дополнительных вычислений по формулам.

Доподлинно неизвестно, где и при каких обстоятельствах сложилось знакомство Гоголя и Хавского. Вероятно, имя историка могло быть известно писателю через Погодина, и, более того, именно в доме Михаила Петровича они могли встретиться впервые. При всех своих заслугах на юридическом и историческом поприщах Хавский для многих был фигурой весьма одиозной, и его имя у современников вызывало противоречивые суждения и оценки. В то время как одни почтенно отзывались о Хавском как о трудолюбивом юристе, внёсшим огромный вклад в изучение истории законодательства, другие называли его «московским шарлатаном» (П. М. Строев) и «пресловутым доносчиком» (А. А. Куник) [Цит. по: Курсакова, 2014: 3]. Согласно сведениям, представленным в отчёте Следственной Комиссии по делу о членах бывших злоумышленных тайных сообществ, на Хавского поступила письменная жалоба от одного из основателей декабристского движения: Александр Николаевич Муравьёв (1792–1862), сын полковника Сергея Ивановича Муравьёва-

Апостола, обвинил историка в применении к нему финансового шантажа. В жалобе указывалось, что Хавский, сам являясь членом Союза Благоденствия, грозил Муравьеву доносом в том случае, если тот не выдаст ему определённую денежную сумму¹.

Имя Хавского нередко оказывалось в центре научных споров. Упомянутые летоисчислительные таблицы в 1848 году стали на долгие семь лет предметом ожесточённой полемики среди хронологов. Дискуссия возникла в отношении гипотезы Хавского о переменном положении мартовского года по отношению к сентябрьскому: данная гипотеза опровергала существовавшую карамзинскую точку зрения о старшинстве сентябрьского года по отношению к мартовскому, а также господствующую идею об этапном применении календарных стилей. Со временем учёные пришли к выводу, что древнерусское летоисчисление многовариантно и летописцы при датировке событий использовали все же несколько календарных стилей. Таким образом, идея Хавского пережила своего создателя и была научно подтверждена лишь в XX веке. Первым, кто пришёл к решению историко-хронологической проблемы, стал Николай Васильевич Степанов (1857–1914), предположив, что расхождения в датировках – это не ошибки летописцев, как указывали на то оппоненты Хавского, а результат использования сразу двух различных стилей времяисчисления, в том числе и того, на который ссылался Хавский [Степанов, 1915].

Заслуги Петра Васильевича как хронолога не были оценены современниками. В «Отечественных записках» трёхтомные таблицы были названы «бесполезным трудом» [Цит. по: Курсакова, 2014: 92]. И даже Степанов изначально утверждал, что работы Хавского «скорее вредны, чем полезны для историков» [Цит. по: Курсакова, 2014: 104]. Единственным на сегодняшний день полновесным исследованием научной деятельности Хавского, включающим анализ хронологической дискуссии вокруг его гипотезы, является монография Е. Н. Курсаковой «Пётр Васильевич Хавский – законовед и исследователь русской истории и хронологии» [2014].

В XIX столетии против Хавского ополчился целый сонм учёных. Полемика о календарных стилях, превратившись в настоящую научную баталию, не могла не привлечь к себе внимания Гоголя, учитывая, что активным её участником и оппонентом Хавского был Погодин, выступавший в защиту карамзинской точки зрения.

Но, разжигая дискуссии и опровергая положения предшественников о соотношении русских календарных стилей, Хавский тем не менее не располагал стройной системой доказательств и был не в состоянии подтвердить свою научную правоту. Столкнувшись с тотальной критикой своих таблиц, учёный, по словам Курсаковой, «отбросил в сторону всякое благодушие и чувство такта» [Цит. по: Курсакова, 2014: 97]. В частности, он использовал такой метод защиты своих идей, как «персональная критика» оппонентов, дискредитация их личностных характеристик. Мишенью для критических нападок Хавского чаще других становился Погодин. Находя в публикациях Михаила Петровича терминологические ошибки, Хавский пытался поставить перед читающей публикой под сомнение научные достижения профессора.

¹ Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах: Т. 8. Алфавит декабристов / сост. А. Д. Боровков. Л., 1925. С. 14; Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 189.

Не оставался в стороне от дискуссии и родной брат Хавского – Иван Григорьевич; Курсакова приводит в монографии отрывок из его рецензии. Говоря о методах Петра Васильевича, он подчёркивал, что тот имеет привычку «защищать свои положения из прихоти, по личным выгодам и подкреплять их не доводами, не доказательствами, а сравнениями, возгласами, криком, иногда бранью»; статьи Петра Васильевича при этом были названы «собранием софизмов и ничего не доказывающих цитат» [Цит. по: Курсакова, 2014: 95].

Современные историки отмечают, что именно отсутствие культуры ведения дискуссий привело к идейной изоляции Хавского. Оппоненты также отмечали в работах Хавского общую примитивность доказательств, обилие ненужных фактов и «хвастливого самоцитирования» [Цит. по: Курсакова, 2014: 96]. «Темно, как у Хавского» – эта фраза стала нарицательной, её использовали современники Петра Васильевича при столкновении с чем-то, что было невнятно и недоступно изложено. Курсакова приводит слова критика и переводчика Михаила Александровича Дмитриева (1796–1866), который, будучи постоянным читателем историко-хронологических сочинений Хавского, обратился к «милостивому государю Петру Васильевичу» с закономерным вопросом:

Закрываю моё письмо вопросом и желал бы, чтоб вы мне его разрешили: хронология ли должна предшествовать грамматике, или грамматика хронологии? – Другими словами: чему прежде надобно выучиться: хронологии или грамматике? [Цит. по: Курсакова, 2014: 75].

Всё это не могло не подрывать репутацию Хавского как учёного. Его оппоненты, понимая бесперспективность полемики ввиду отсутствия со стороны историка желания перевести спор в адекватное русло, принимали решение выйти из дискуссии. Не выдержал агрессии Хавского и Погодин:

Хронологии русских летописей я посвятил целую главу в четвёртом томе моих Исследований о древней русской истории¹, следовательно, говорить о ней с Хавским мне более не нужно².

Современники отмечали за Хавским не только «увлечённость спорами», но и склонность к провокационным ходам [Курсакова, 2014: 76]. Так, Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) принял за насмешку то, что Хавский в конце февраля 1852 года прислал ему целых два письма с подробностями последних дней жизни Гоголя, а также лавровые листья с гроба писателя.

«Не могу догадаться, что заставило вас извещать меня в двух письмах о подробностях кончины и похорон Гоголя <...> уверен, что вы вовеки не читали Гоголя и мнений "Пчелы"» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 976].

Данный эпизод вызвал бурную реакцию Булгарина и явился своего рода катализатором к очередной волне критики в адрес Гоголя и натуральной школы.

Сам Хавский был похоронен на том же кладбище, что и Гоголь: на территории Свято-Данилова монастыря. В связи с упразднением монастырского некрополя в 1930-х годах была уничтожена и могила Хавского. По данным монастырских сводок, на могильном памятнике историку была выгравирована эпитафия: «Мир праху твоему, честный труженик» [Иванова, 1996: 3].

¹ Имеется в виду книга «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (1846–1856).

² Москвитянин. 1850. Ч. IV. № 23. С. 41.

Литература

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание / Издание подготовил И. А. Виноградов. В 3 т. М., 2011–2013.

Курсакова Е. Н., Цыб С. В. К вопросу об исследовании русской хронологии П. В. Хавским // Известия Алтайского государственного университета, 2014. № 4–2. С. 142–146.

Курсакова Е. Н. Пётр Васильевич Хавский – законовед и исследователь русской истории и хронологии. Барнаул, 2014.

Историки и краеведы Москвы: Некрополь: Библиогр. справ. / Ин-т рос. истории РАН. М., 1996.

Степанов Н. В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII в. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1915. Т. XX. Кн. 2. С. 1–71.